

Документ для историка: источник, свидетельство, текст

Равнодушие к спорам о словах обычно сопровождается
путаницей в представлениях о предмете.

Поль Вен

Документы – важнейшие эмпирические основания исторической науки и важнейшая составляющая идентичности историка как ученого. Романист вполне может обойтись без этих оснований: воссоздавая картины прошлого, он может опираться, с одной стороны, на какие-то общеизвестные сведения, с другой, – на свою фантазию и интуицию. Историк – никак. Это его «хлеб», им он «питается», причем делает это сугубо рационально, в полном соответствии с общенаучными принципами. С документами, правда, имеет дело не только история, но и многие другие социальные и гуманитарные дисциплины (например, литературная критика, юриспруденция, психология, криминалистика). Однако по каким-то не вполне понятным причинам именно в исторической науке внимание к ним оказывается особенно пристальным, а теоретические усилия по осмыслению их гносеологического статуса и разработке методологии работы с ними особенно упорными. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что именно историография стала главным полем, на котором теоретиками велась – и продолжает вестись – дискуссия о том, что такое документ в научном знании.

Говоря о документах в целом, нужно иметь в виду, что в науке принято разделение их на две основные категории: «первичные» и «вторичные» (в англоязычной – primary sources и secondary sources). В русской и французской научной традициях это разделение выглядит иначе: «источники» и «литература», document и littérature. Различия в обозначении этих двух категорий документов в разных традициях, впрочем, не затрагивают сути. Первичными документами называются те, которые непосредственно связаны с человеком, периодом, процессом или идеей, изучаемыми наукой. Другими словами, это те оригинальные материалы, не подвергшиеся чьей-либо интерпретации или оценке, на которых основывается исследование. В историографии такими документами («первоисточниками») могут быть тексты, артефакты или любой другой вид информационного ресурса, относящийся к изучаемому периоду. Предполагается, что будучи созданы человеком прошлого, они содержат сведения «из первых рук» о

конкретных условиях жизни, событиях и процессах его времени. В других дисциплинах первичными документами могут служить самые разные вещи: в социологии и экономике, например, – статистические данные, в естественных науках – отчет о проведенном эксперименте и т.д. К вторичным документам обычно относят материалы, содержащие сведения, полученные постфактум и потому имеющие как недостатки (свидетельства «из вторых рук»), так и преимущества (возможность ретроспективного взгляда). Они представляют собой интерпретацию и оценку первичных документов, т.е. являются комментариями к ним или рассуждениями, на них основанными. Это могут быть, к примеру, произведения разных научных жанров: журнальные статьи, энциклопедии, монографии, учебники, биографии и т.п. Важно добавить, что отличия между *primary sources* и *secondary sources* достаточно условны и во многом зависят от конкретной дисциплины или контекста. В историографии, например, считается, что *primary sources* – это документы, созданные современниками изучаемого события, а *secondary sources* – это те, которые были созданы позднее. Однако грань между теми и другими нередко бывает очень зыбкой, к тому же *secondary sources* являются *primary sources* для изучения того времени, когда они были созданы.

И еще одно предварительное замечание. Историки всегда так или иначе обращали внимание на те свидетельства, которыми они пользуются. Однако характер этих обращений и степень критической рефлексии авторов относительно их в разные эпохи были разными. «Отец истории», например, обозначал свои документы как «сведения» («Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение...»). В подлиннике, разъясняет переводчик, *ιστορίης ἀπόδεξις* – это «изложение сведений, полученных путем расспросов»¹. Его мало заботит происхождение и надежность этих сведений – в лучшем случае Геродот ограничивается указанием на то, к какому народу принадлежал его информант («по словам сведущих среди персов людей», «такой рассказ я сам слышал в Дельфах», «говорят милетяне» и т.п.). Он также считает возможным придумывать диалоги своих героев и, как можно легко предположить познакомившись хотя бы с несколькими страницами его «Истории», не только их².

¹ Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972. Кн. I.

² Впрочем, способ историописания Геродота не исключает вовсе возможность авторской рефлексии по поводу правдивости приводимых им сведений. Однако автор «Истории» предпочитает не высказывать прямо свое мнение, по-видимому, видя главной задачей передать читателям с наибольшей возможной полнотой те сведения, которые ему удалось собрать. Что касается вопроса об их достоверности/недостоверности то он предоставляет им возможность выносить суждения об этом самостоятельно. В одном месте, например, Геродот говорит так: «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всякому я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде» (Там же. Кн. 7, 152).

Уже в античности, правда, существовало и более критическое отношение к документам. В качестве примера его чаще всего приводят труд другого великого историка, Фукидида, утверждавшего, что в своей «Истории» он «записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, *после точных, насколько возможно, исследований (проверок)*»³. Современные историки, нужно добавить, обычно высоко ценят объективистский характер изложения материала Фукидидом, в особенности его последовательный отказ от обозначения собственной позиции по отношению к описываемым событиям.

Позднее, в Средние века, критика исторических документов получила дальнейшее развитие. У историка Первого крестового похода Гвиберта Ножанского, труд которого отличается рационалистической оценкой событий и их причин⁴, в спорах о подлинности святых мощей⁵ и т.д. В XVI в. Жан Боден предложил метод, с помощью которого, по его мнению, можно получить надежные знания о прошлом. Суть его состояла в систематической проверке достоверности исторических документов путем их сравнения друг с другом и соотнесения их содержания с интересами их авторов⁶. «Для того, чтобы собрать крупинки истины из разных источников, – провозглашал Боден, – при отборе и учете личных особенностей авторов и при изучении их произведений мы должны помнить мудрое изречение Аристотеля: “Когда читаешь историю, неизвестно, что более необходимо – верить или постоянно сомневаться”»⁷. Однако начало научного изучения исторических документов обычно относят к первой половине – середине XIX в. и связывают с именем Леопольда фон Ранке, предложившего способ историописания, в основе которого лежали обстоятельные архивные изыскания и тщательная филологическая критика источников. Именно это научное изучение исторических документов – со времен Ранке по сегодняшний день – и является главным предметом внимания в этой статье.

Во введении к «Археологии знания» Мишель Фуко, размышляя о «дисциплинах, которые мы привыкли объединять под именем “истории”»⁸, предлагает свой ответ на

³ Фукидид. История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л. 1981. Кн. I, 22, 2 (курсив мой – Ю.З.).

⁴ Guibert de Nogent. Dei gesta per Francos. См. рус. пер. фрагмента: Гвиберт Ножанский. Деяния Бога через франков / Пер. Т.И. Кузнецовой // Средневековая латинская литература IV-IX вв. М. 1970.

⁵ См.: Geary P. Furta sacra: Thefts of relics in the Central Middle Ages. Princeton, 1990 (2nd ed). P. 112-118.

⁶ Bodin J. Methodus ad facilem historiarum cognitionem. P., 1566; Боден Ж. Метод легкого познания истории / Пер. М.С. Бобковой. М., 2000.

⁷ Боден Ж. Метод легкого познания истории. Гл. IV, § 39.

⁸ Фуко М. Археология знания / Пер. С. Митина и Д. Стасова. Киев, 1996. С. 9.

вопрос об отношениях историка и документа. Ответ этот состоит из двух частей. В первой он изображает общую картину этих отношений:

«...Вполне очевидно, что с тех пор, как история получила статус науки, мы постоянно обращаемся к документам, исследуем их и так познаем себя. Для нас важно не просто понять смысл сказанного, но и определить степень его истинности и самую форму его представления; нас всегда волнует, являются ли наши источники подлинными или подложными, насколько они осведомлены или несведущи, верно ли отражают эпоху или, напротив, лгут. Но заключенная в каждом из этих вопросов огромная критическая обеспокоенность направлена, собственно говоря, к одному: исходя из сказанного документом (хотя бы и между строк), восстановить то вставшее за ним прошлое, откуда он родом. Документ всегда понимался как язык, звуки которого низведены до немоты или невнятного бормотания, иногда по счастливой случайности распознаваемого»⁹.

Эта общая картина, однако, рисует отношения историк-документ в традиционной историографии, которой, как считает Фуко, постепенно приходит на смену новая. Об этой новой и возникающих в ней новых отношениях он говорит во второй части своего ответа:

«...История по-новому взглянула на документ и занялась не столько интерпретацией или установлением его истинности и смысла, сколько освоением и развитием внутреннего пространства. История отныне организует документ, дробит его, упорядочивает, перераспределяет уровни, устанавливает ряды, квалифицирует их по степени значимости, вычленяет элементы, определяет единицы, описывает отношения. Документ более не является для истории неподвижной материей, отталкиваясь от которой она пытается реконструировать дела и слова людей прошлого, – все то, от чего остались лишь немногие следы.

Теперь история пытается обнаружить в самой ткани документа указания на общности, совокупности, последовательности и связи. [...] Документ более не довлеет истории, которая с полным правом в самом своем существовании понимается как память. История – это только инструмент, с помощью которого обретает надлежащий статус весь корпус документов, описывающих то или иное общество»¹⁰.

Ответ Фуко, подчеркивающий историческую изменчивость самого исторического знания и двусторонний характер отношений между историком и документом, может послужить отправной точкой для постановки вопросов о смысле и роли исторического документа в этой статье. Сменим ракурс: вместо взгляда на проблему «с птичьего полета», предложенного Фуко, попробуем посмотреть на нее вблизи. Чтобы осуществить это

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 10-11.

приближение, однако, потребуется как привлечение значительного историографического и теоретического материала, так и проблематизация самого понятия «документ», используемого Фуко (очевидно, что в разных историографических контекстах оно приобретало не только разные смыслы, но и разные обозначения). Основная задача, таким образом, будет заключаться в том, чтобы очертить важнейшие концепты исторического документа в теории исторического знания (исключительно в смысле *primary source*) за последние полтора столетия. Следует подчеркнуть, что и словесное обозначение этих концептов, объединенных у Фуко понятием «документ», и определение смысловых границ между ними, и хронологическая последовательность, в которой они рассматриваются в дальнейшем, достаточно условны. Прежде всего потому, что целью этой статьи является не создание жесткой парадигмы значений, а предварительное осмысление и упорядочение существующего разнообразия представлений о том, чем является документ для историка. Кроме того, сама теория исторического знания (в особенности современного) представляется ее автору слишком гетерогенной и противоречивой, чтобы в многообразии ее направлений вообще можно было вычленить логически завершенные смыслы понятия «документ».

Исходные установки, на которых основывается организация и порядок изложения материала в ней, представляются вполне очевидными – хотя они почему-то слишком часто игнорируются историками. Первая состоит в том, что историческое знание – как и любое научное знание вообще – развивается, и результатом этого развития является не только накопление знаний о прошлом и появление новых областей исторических исследований, но и обновление его эпистемологических оснований, в частности, понимания возможностей и способов использования исторических документов. Вторая установка – признание того, что развитие исторического знания не является единым поступательным процессом наподобие эволюционного: в нем существуют скачки, разрывы, возвраты к старому. Внутри этого знания во всякий отдельный момент сосуществуют понятия и методологические подходы, сложившиеся в разное время и в разных условиях, они спорят между собой, и появление новых не означает их победы над прежними. Наконец, рассмотрение проблемы исторического документа основывается на представлении о том, что изменения в исторической науке являются составной частью общих эпистемологических перемен, происходивших в социально-гуманитарном знании на протяжении последних двух столетий и продолжающих происходить сегодня.

ИСТОЧНИК

Первый из концептов документа наиболее точно соотносится с каноническим для историографии понятием «источник» и в истории исторического знания прочно связывается с именем Ранке. Считая «источник» (Quelle) непосредственным следом прошлого, «отец» исторической науки Нового времени увидел в нем важнейшее основание работы историка. Его признание первостепенной роли источников, впрочем, сопровождалось также признанием того, что источники не даны историку в прямом открытом доступе: путь к ним необходимо предварительно «расчистить» с помощью определенных критических процедур. Поскольку сам Ранке занимался по большей части дипломатической историей и большинство его источников составляли письменные документы, он считал, что средством такой «расчистки» должна стать филологическая критика (“Quellenkritik”)¹¹. В этом соединении истории с филологической наукой, к концу XVIII в. уже имевшей значительный авторитет (первым образцом научной филологической критики считают трактат Лоренцо Валлы «О подложности так называемого “Константинова дара”», датируемый 1440 г.), состояло главное новаторство Ранке и его главная заслуга перед последующими поколениями историков.

Издав в 1824 г. свою первую большую работу «История романских и германских народов в 1494 – 1514 гг.»¹², Ранке заявил о себе не только как один из самых ярких представителей нового исторического знания, имеющего целью получение достоверных («научных») сведений о прошлом, но и «отцом» его теории. Важное значение для становления этой теории имело также опубликованное отдельным томом приложение к «Истории», в котором он формулировал основные принципы анализа источников и подчеркивал необходимость изучения архивных документов¹³. Часто считают, что в складывании исторической науки, основанной на новом концепте документа, не менее значимую роль сыграло введение им в Берлинском университете новой формы обучения – семинара, на котором впервые принципы филологической критики исторических источников реализовывались в практике преподавания. Из этого семинара вышли многие

¹¹ Возможно, формированию этой позиции Ранке способствовало то, что он получил классическое филологическое образование в Лейпцигском университете. Примечательно, что Ранке воспринимал исторические источники не только как важнейшие следы прошлого, но и как вид чтения, превосходящий любой другой в эстетическом отношении. «Исторические источники, – заявлял он в одном из писем, – прекраснее, во всяком случае, интереснее, чем романтическая проза». И дальше продолжал: «Я совершенно отвернулся от художественной прозы и решил избегать всякий вымысел и всякое воображение в моей работе, строго придерживаясь “фактов”» (Цит. по: Curthoys A., Docker J., Is history fiction? Sydney, 2006. P. 62).

¹² Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494–1514. Leipzig; Berlin, 1824.

¹³ Ranke L. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. Eine Beilage zu desselben romanischen und germanischen Geschichten. Leipzig; Berlin, 1824.

впоследствии знаменитые европейские ученые, благодаря которым новый историографический метод получил повсеместное распространение¹⁴.

В последующие десятилетия в теории исторического знания понятия «источник» и «свидетельство» приобрели статус базовых. Во второй половине XIX – начале XX в. появилась целая серия работ по методологии истории, осмысливавших проблематику исторического «ремесла» в рамках позитивистской традиции. В этих исследованиях труд историка представлялся как процесс, состоящий из трех последовательных этапов: нахождения свидетельств прошлого (в первую очередь письменных, поскольку они наиболее информативны – вспомним знаменитый девиз Фюстель де Куланжа: «Тексты, одни только тексты, ничего кроме текстов!»); проверка их подлинности и «очистка» от возможных субъективных оценок и суждений (анализ); расположение источников в нужном (как правило, хронологическом) порядке и составление на основании их «рассказа о том, как было на самом деле» (синтез). Основное внимание в такого рода методологии истории уделялось классификации и критической оценке документов. Причем в отношении оценки основные вопросы были связаны со степенью их надежности: установлением авторства, выяснением того, насколько можно доверять тому или иному автору, определением аутентичности текста и т.п.

В конце XIX – начале XX в. одним из наиболее известных пособий по теории исторической науки была книга французских историков Шарля Ланглуа и Шарля Сеньобоса «Введении в изучение истории»¹⁵, суммировавшая представления позитивистской теории о работе историка. Центральное место в ней отводится методам критики письменных источников (второй раздел – «Аналитические процессы»), и потому ее авторы не устают повторять: «история есть не что иное, как употребление в дело документов»¹⁶, «история пишется по документам», «за неимением документов, история обширных периодов прошлого человечества останется навсегда неизвестной»¹⁷ и т.п. При этом они вслед за Ранке признают, что документы не дают прямого доступа к прошлому: сами по себе это лишь «сырье» для историка, без приложения его критических усилий они

¹⁴ Российская историография не была исключением. В 1861 г., например, в «Университетских известиях» киевского университета св. Владимира был опубликован проект организации исторического семинария по образцам, заданным Ранке и его учениками (см.: Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – начале XX века. Воронеж, 1996. С. 15). А в программе 1888 г. выпускных экзаменов историко-филологических факультетов российских университетов от испытуемых требовалось знакомство «с характером и значением трудов Ранке» (Цит. по: Чесноков И.В. К вопросу о влиянии устава 1884 года на университетское историческое образование в России // Российские университеты в XVIII-XX веках. Сборник научных статей. Вып. 4. Воронеж, 1999. С. 60).

¹⁵ Langlois Ch.-V, Seignobos Ch. Introduction des études historiques. P., 1898. Рус. пер: Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / Пер. А. Серебряковой. 2-е изд. М., 2004.

¹⁶ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. С. 278.

¹⁷ Там же. С. 49.

не в состоянии дать достоверные сведения. «Документ, – заявляют французские авторы, – служит ему точкою отправления, а факты прошлого – конечною целью исследования. Между этой точкой отправления и конечной целью нужно пройти сложный ряд тесно связанных друг с другом умозаключений, рискуя то и дело впасть в ошибку»¹⁸.

Примечательно, что само понятие «документ» трактуется Ланглуа-Сеньобосом предельно широко: документы – это «следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей»¹⁹. Что касается «умозаключений», которые надлежит проделать историку для установления фактов, то они представляются в виде стройного ряда логических операций, разделенных на две части: внешнюю критику документа и внутреннюю. Первая включает «восстановительную критику», «критику происхождения», «критическую классификацию» и «критику подготовительную»; вторая – «критику истолкования (герменевтику)», «отрицательную внутреннюю критику достоверности и точности» и «определение частных фактов».

В целом, методологические выводы, разработанные позитивистской критикой исторических источников XIX в. можно свести к семи правилам²⁰:

1. Если разные источники непротиворечиво свидетельствуют о каком-либо событии, историки могут считать содержащиеся в них сведения достоверными.
2. Большинство не определяет достоверность безусловно: даже если большая часть источников описывает событие каким-нибудь одним образом, их версия может быть принята только после тщательной критики и текстологического анализа.
3. Источнику, отдельные утверждения которого могут быть проверены обращением к внешним авторитетам, следует доверять также и в остальном, если нет возможности проверить остальные свидетельства аналогичным образом.
4. Когда два источника противоречат друг другу по каком-нибудь вопросу, историк должен предпочесть наиболее «авторитетный» (т.е. созданный либо знатоком в данной области, либо очевидцем событий).
5. Нужно отдавать предпочтение очевидцам, особенно тогда, когда даже рядовой свидетель в состоянии безошибочно сообщить о том, что произошло: например, когда дело касается общеизвестных для большинства современников вещей.
6. Если свидетельства двух созданных независимо друг от друга источников совпадают, доверие к каждому из них в отдельности возрастает.
7. Когда два источника противоречат друг другу и нет способов проверить их достоверность, историки выбирают тот, который с их точки зрения лучше согласуется со здравым смыслом.

¹⁸ Там же. С. 83.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ См.: Howell M.C., Prevenier W. From Reliable Sources: An Introduction to Historical Methods. Ithaca, 2001. P. 70-71.

Методология изучения исторических документов, разработанная в позитивистской теории, в значительной мере была вдохновлена общими оптимистическими представлениями о развитии научного знания, доминировавшими в начале XX в. Этот оптимизм целиком разделяли и Ланглуа с Сеньобосом, верившие в то, что «настанет день, когда благодаря организации труда все документы будут открыты, исправлены и приведены в порядок, и все факты, следы которых не изгладились, установлены»²¹. Впрочем, французские авторы признавали, что возможное в будущем получение исчерпывающего знания об источниках не будет означать получения исчерпывающего знания о прошлом: развитие наук предполагает его постоянное углубление. «С этого дня, – продолжают они, – история будет составлена, но не будет окончательно установлена: она будет продолжать изменяться по мере того, как непосредственное изучение существующих обществ, ставши более научным, будет давать возможность лучше понимать общественные явления и их эволюцию, потому что новые понятия, которые будут, без сомнения, приобретены о природе, причинах и относительном значении общественных фактов, будут изменять и сложившийся образ обществ и событий прошлого»²².

В XX в. позитивистский подход к осмыслению исторических документов, в частности их роли и места в процессе производства исторического знания, лег в основу множества исследований, определив основные черты мейнстримной «методологии истории». Авторы этих исследований считали, что главные теоретические усилия историка должны заключаться в критике источников в соответствии с научно выработанными правилами («методологией»). В результате же синтеза фактов, содержащихся в методологически верно осмысленных источниках, получится «объективное» знание, исключаящее (или сводящее к минимуму) его «субъективизм». Что касается заключительной части труда историка, т.е. изложения полученных результатов в виде монографии или статьи, то он не вызывал у этих авторов потребности в специальной рефлексии. Исторический нарратив выступает как вполне «естественный» достоверный рассказ о событиях прошлого на основании критического осмысления источников. Так, например, Луи Альфан, автор одного из многочисленных трудов, носящих одинаковое название «введение в историю», подчеркивая безусловно первостепенное значение документа для историка, в середине 1940-х восклицал: «Там, где

²¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. С. 279.

²² Там же. С. 279-280.

молчат источники, нема и история; где они упрощают, упрощает и она; где они искажают, искажает и историческая наука»²³.

Выразительным примером защиты традиционного взгляда на исторический документ могут быть соображения Джеффри Элтона, изложенные в его книге «Практика истории»²⁴. Значительная часть этих соображений – ответы на вопросы о том, какие проблемы работы с источником являются наиболее важными для историка и как их надлежит решать²⁵. На первый план среди них Элтон ставит проблему отбора. Поскольку историк не может (хотя это и желательно) охватить в своем исследовании все свидетельства об изучаемом событии, ему необходимо ограничить их число. При этом он должен неукоснительно руководствоваться правилом: критерии отбора ни в коем случае не должны быть субъективными. Вторая проблема – критика источников. Здесь тоже нужно всячески избегать субъективизма, опираясь на «научно разработанные» принципы, и помнить, что чрезмерный скептицизм вредит делу так же, как и детская доверчивость. Сама же критика исторического свидетельства, по Элтону, означает две вещи: установление его подлинности и оценка его истинной значимости. Первая задача – чисто техническая, что касается второй, она более сложна, но ее решение не вызывает непреодолимых трудностей. Оценивая документ историк, в сущности, должен задаваться одним вопросом: как и почему он появился? Впрочем, помимо чисто научных рациональных процедур, признает Элтон, историк может использовать и собственное воображение – но только в тех случаях, когда испытывает нехватку источников или обнаруживает их отсутствие. Значит ли это тогда, что его работа содержит субъективный элемент? По большому счету да, но «специально подготовленный и опытный ум историка» и упорные усилия по поиску истины могут свести этот элемент к минимуму. Историк должен подчинить свое воображение тем ограничениям, которые накладывает наука, не разрушая его, а напротив, осторожно формируя.

В целом, можно сказать, что Элтон, как и большинство его предшественников, рассматривают критику источников как важнейшее (едва ли не единственное) теоретико-методологическое основание исторического знания. В этой критике «источник» понимается как чистое, незамутненное начало, к которому историку в конечном счете

²³ Louis Halphen. Introduction à l'histoire. P., 1946. P. 61. Цит. по: Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 37.

²⁴ Elton G.R. The Practice of History. N.Y., 1967. Элтон является автором и других работ о «ремесле историка», в которых также выступает за традиционное (т.е. в духе Ранке и британского эмпиризма) понимание сути исторической науки (об одной из них будет сказано дальше).

²⁵ См.: Elton G.R. The Practice of History. P. 72-87.

необходимо прильнуть, чтобы увидеть-почувствовать-понять прошлое²⁶. Однако прежде чем сделать это, ему нужно преодолеть ряд трудностей: сначала обнаружить местоположение этого источника, затем, минуя преграды и скрытые опасности, добраться до него, и, наконец, удостоверившись в его природной чистоте, «правильно» (т.е. соблюдая некоторые правила) напиться.

²⁶ См. в высшей степени любопытную статью о метафорических смыслах, которые вкладывают историки в понятие «источник»: Zimmermann M. Quelle als Metapher. Überlegungen zur Historisierung einer historiographischen Selbstverständlichkeit // Historische Anthropologie. 5. Jg. 1997. S. 268-287.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

С середины XIX в. в историческом знании начинают формироваться иные трактовки исторического документа, основанные на кантианской и неокантианской философской традициях. Обозначим эти трактовки здесь термином «свидетельство», в соответствии с тем, как называет предмет приложения усилий историка Марк Блок (*les témoignages*)²⁷. Роль основоположника в этом формировании принадлежит одному из немногих «философствующих историков» XIX в. Иоганну Густаву Дройзену, разработавшему не только оригинальный концепт исторического документа, но и собственную теорию исторического знания в целом²⁸. Отличие этой теории от позитивистских интерпретаций исторической науки состояло в двух главных взаимосвязанных особенностях: отказе от упрощенно-схематичного понимания объективности исторического факта и признании активной роли историка в процессе постижения прошлого.

Исторические документы Дройзен рассматривал прежде всего как продукты человеческой деятельности, заключающие в себе субъективную составляющую. Поэтому в качестве одной из первоочередных задач их критического осмысления он считал выяснение того, «что привнесено в изложение индивидуальностью самого рассказчика»²⁹. Центральное место в дройзеновской теории, таким образом, занимало новое понимание сущности тех «следов прошлого», с которыми работает историк, оспаривавшее важнейшие принципы, на которые опиралась методология анализа источников Ранке (труды которого он, тем не менее, высоко чтит) и всего мейнстрима исторической науки его времени. «Речь прежде всего идет о том, – провозглашал Дройзен, – чтобы отбросить три таких нелепых понятия, которые вошли в критику источников, а именно понятия объективного факта, свидетельства очевидца и полноты материала»³⁰. И дальше разъяснял, подчеркивая активную роль исследователя в установлении исторических фактов: «В разговорах об объективных фактах проявляется полное непонимание природы вещей, которыми занимается наша наука. У нашего исследования нет объективных фактов в их реальности. То, что объективно совершилось в каком-либо минувшем времени, может быть всем чем угодно, только не историческим фактом в нашем понимании. То, что

²⁷ Bloch M. *Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien*. P., 1949. См. рус пер.: Блок М. *Апология истории или ремесло историка*. 2-е изд. М., 1986. С. 36 и сл.

²⁸ См.: Савельева И.М. Обретение метода // Дройзен И.Г. *Историка*. СПб., 2004. С. 12. Первое полное издание лекций по теории истории Дройзена: Droysen G.J. *Historik* / Hrsg. Rudolf Hübner. München, 1937.

²⁹ Дройзен И.Г. *Историка*. С. 473.

³⁰ Там же. С. 210.

происходит, лишь нашим восприятием понимается и объединяется как связный процесс, как комплекс причины и следствия, цели и исполнения, одним словом, как *один* факт, но те же самые детали другие люди могут воспринять иначе, связывая их с другими причинами, следствиями или целями»³¹.

Эпистемологическая рефлексия Дройзена о предмете исторического знания происходила параллельно с выработкой им оригинальной классификации исторических свидетельств. В качестве главного для их обозначения он использовал понятие «исторического материала», сам же «исторический материал» делился им на три разряда: «источники», «остатки» и «памятники».

Полемизируя с широко распространенным в его время расширительным толкованием понятия «источник» (всякое свидетельство прошлого), Дройзен предлагал использовать его только в отношении такого документа, который «позволяет нам взглянуть глазами ушедших поколений на *их* прошлое»³². Т.е. источниками являются только письменные свидетельства, которые отражают представления современников о своем времени. Эти письменные свидетельства группируются Дройзеном в два ряда. Первый – откровенно «субъективный», включающий источники, на которых лежит отчетливая печать личности автора, следы его непосредственного восприятия и его представлений. Второй ряд – «прагматический», включающий источники, «авторы которых умышленно писали по возможности сухо, по-деловому в двояком смысле: или придерживаясь внешнего хода событий, нисколько не заботясь о мотивах и чувствах, или исходя из внутренней логической связи причины и следствия, средств и цели и т. д.»³³.

«Остатки» в отличие от «источников» не заключают в себе рефлексии современников. Это могут быть, например, оказавшиеся в распоряжении историка разнообразные материальные предметы, количество которых необозримо («все, что несет на себе отпечаток человеческого духа, человеческой руки может быть привлечено исследователем в качестве материала»³⁴). Ко второй категории «остатков» Дройзен причисляет «пережитки учреждений и правовых институтов»³⁵. К ним он, в частности, относит «различные государственные устройства, законы, гражданские и церковные уставы, всякого рода правовые и экономические отношения»³⁶. Третья категория – фольклор и мифология («в наших детских сказках о Белоснежке, можжевелевом дереве, о

³¹ Там же. С. 210.

³² Там же. С. 84.

³³ Там же. С. 127-128. Одновременно Дройзен пытается выделить и охарактеризовать основные виды источников, с которыми имеет дело историк. Его классификация включает «письма», «газеты», «дневники», «хроники, анналы», «записки государственных мужей» и др. (с. 130-141).

³⁴ Там же. С. 85.

³⁵ Там же. С. 93.

³⁶ Там же.

диком охотнике, крысолове из Гамельна и т.д. сохранились языческие представления древних германцев»³⁷). Наконец, четвертая – «остатки письменного делопроизводства как официального, так и частного характера, свидетельства которого сохранились в архивных актах, отчетах, отзывах, деловой корреспонденции, счетах»³⁸.

Третий разряд «исторического материала», «памятники», занимает промежуточное положение между первыми двумя, обладая свойствами каждого из них. «Их предназначение, – разъясняет историк, – состоит в свидетельствовании, сохранении для памяти какого-либо момента того времени, тех событий, деловых отношений и юридических сделок, остатками которых они являются...»³⁹. Сюда относятся грамоты, надписи, «монументальные памятники архитектуры и искусства», нумизматический и геральдический материал⁴⁰.

Нам, впрочем, интересны не столько критерии выделения тех или иных разрядов и категорий «исторического материала» и даже не его итоговая классификация Дройзенем, сколько понимание им, с одной стороны, внутренней проблематичности исторических свидетельств, с другой – необходимости интеллектуальных усилий историка для их правильного использования. Нельзя не обратить внимание на упорство, с которым автор «Историки» отстаивает свою позицию, снова и снова разъясняя ошибочность традиционного представления о том, что источник предоставляет историку прямой доступ к прошлому. «То, что имеется налицо для исследователя, – убеждает он читателя, – есть не прошлые времена, а отчасти их *остатки*, отчасти *мнения* о них; остатки, которые являются таковыми только для исторического подхода, но в действительности они находятся в настоящем [...] Следовательно, воспоминания того, что было и прошло, мнения тех, не всегда ближе всего стоящих к ним, сведущих или безучастных, часто мнения мнений из третьих, четвертых рук; и даже если сообщают современники или участники, что происходило в их время, что они сами видели своими глазами, слышали своими ушами? И собственное зрение и слух воспринимают ведь только часть, одну сторону, одно направление происшедшего и т. д.»⁴¹.

Почти столь же упорно он повторяет свой тезис о необходимости приложения историком напряженных умственных усилий для понимания людей прошлых эпох, оставивших нам сведения о своем времени. «Необходимо, – говорит он, – длительное и трудное опосредствование, чтобы вникнуть в чуждое, ставшее для нас непонятным, чтобы

³⁷ Там же. С. 95.

³⁸ Там же. С. 98.

³⁹ Там же. С. 101-102.

⁴⁰ Там же. С. 102-114.

⁴¹ Там же. С. 568.

восстановить представления и мысли, которыми люди руководствовались сто, тысячу лет назад, совершая эти события, по-своему их воспринимая; необходимо как бы понять язык, на котором говорят странные для нас теперь события и социальные отношения». И обращаясь к будущему делает заявление, которое сегодня звучит удивительно современно: «Здесь наша наука вступает в совершенно особый и характерный для нее круг задач. Она должна не только повторить то, что уже у нас имеется как историческое предание, но и проникнуть глубже, она стремится, насколько это возможно, мысленно воскресить и понять все то, что еще можно найти из прошлого, как бы создать новые первоисточники»⁴².

Почти через сто лет после Дройзена фактически эти же два тезиса – только с гораздо большей категоричностью и глубиной – были сформулированы в «Идее истории» Робина Джорджа Коллингвуда⁴³. Не оспаривая в принципе *credo* исторической науки, гласящее, что «история пишется по источникам», Коллингвуд, тем не менее, рассматривает и источник, и «историческое ремесло» в целом как нерешенные эпистемологические проблемы. В центре его внимания лежит понятие документа как вместилища сведений, смыслы которых напрямую зависят от вопросов, задаваемых историком.

«История, – говорит он, – есть интерпретация фактических данных (*evidence*), причем фактические данные – это собирательное имя для вещей, которые по отдельности называются документами. Документ же – вещь, существующая здесь и теперь, вещь такого рода, что историк, анализируя ее, может получить ответы на поставленные им вопросы о прошлых событиях»⁴⁴. Таким образом, исторические сведения, содержащиеся в документе, не являются данными о прошлом «в чистом виде», т.е. не существуют «сами по себе». Они не только являются результатом познавательных усилий историка, но и заключают в себе его знания и опыт – причем даже тогда, когда сам он этого не замечает⁴⁵. Очевидно, что Коллингвуд заявляет здесь (и в этом заявлении он

⁴² Там же. С. 144.

⁴³ Collingwood R.G. *The Idea of History*. Oxford, 1946. Рус. пер: Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории*. Автобиография. М., 1980.

⁴⁴ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории*. С. 13.

⁴⁵ Коллингвуд разъясняет эту свою позицию в отрывке, где в качестве примера исторического свидетельства выступают сообщения Фукидида: «Историки, конечно, считают себя людьми, перерабатывающими исходные данные, причем под последними они понимают исторические факты, находящиеся в их распоряжении, факты, так сказать, “готовые” к моменту начала исторического исследования. Такого рода данными было бы, если бы исследование касалось Пелопоннесской войны, например, какое-нибудь утверждение Фукидида, которое все в принципе принимают за истинное. Но когда мы спрашиваем, от кого историческая мысль получает эти данные, то ответ очевиден: историческая мысль получает их от самой себя, поэтому в отношении к исторической мысли в целом они не являются данными, а неким ее результатом или завоеванием. Только наше историческое знание говорит нам, что эти забавные

солидаризируется с Дройзеном) о своем принципиальном несогласии с господствующими представлениями исторической науки его времени: документ не содержит «готовые» факты прошлого, которые нужно «просто» извлечь после осуществления установленного набора процедур критического анализа, в нем содержатся лишь «знаки», обретающие смысл только после вмешательства историка. В итоге, по Коллингвуду, выходит, что исторические факты *создаются* в процессе осмысления документов (снова примечательная параллель с Дройзеном – теперь с его «пророчеством» о создании первоисточников историками, приведенным выше).

Второе принципиальное несогласие Коллингвуда с историографическим мейнстримом связано с отношением к содержащимся в документах свидетельствам (testimony). Некритическое их восприятие историком (т.е. основанное на априорном признании «авторитетов») дискредитирует научный характер исторического знания⁴⁶. Слепая вера в правдивость свидетельств, получаемых от «авторитетов», превращает историческую науку в малоосмысленное механическое соединение различных сведений – «историю ножниц и клея»⁴⁷. Этот неприемлемый для Коллингвуда метод историописания, бездумно опирающийся на свидетельства источников, в его изложении и сегодня, больше, чем шестьдесят лет спустя после написания «Идеи истории», выглядит очень знакомо:

«...Сначала решают, о чем мы хотим знать, затем переходят к поиску свидетельств о нем, ...предположительно исходящих от прямых участников интересующих нас событий, или от их очевидцев, или же от лиц, повторяющих то, что участники и очевидцы событий рассказали им, или их информантам, или же информантам их информантов и т. д. Обнаружив в такого рода суждении нечто, относящееся к поставленной проблеме,

знаки на бумаге – греческие буквы, что слова, образуемые ими, обладают определенными значениями в аттическом диалекте, что взятый отрывок действительно принадлежит Фукидиду и не является интерполяцией или позднейшим искажением и что в связи со всеми этими обстоятельствами Фукидид знал, о чем говорил, и старался сказать правду. Если отвлечься от этого, то отрывок будет выглядеть всего лишь как определенное расположение черных знаков на белой бумаге, он вообще является не каким-либо историческим фактом, а чем-то, существующим здесь и теперь и воспринимаемым историком» (Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории*. С. 232).

⁴⁶ «Когда историк, – разъясняет Коллингвуд, – принимает готовый ответ на какой-нибудь задаваемый им вопрос, ответ, даваемый другим человеком, то этот другой человек называется «авторитетом», а утверждение этого авторитета, принимаемое историком, именуется «свидетельством». В той мере, в какой историк принимает свидетельство авторитета и считает его исторической истиной, он, очевидно, теряет право называться историком...». И дальше продолжает: «...Я утверждаю только то, что такое принятие свидетельства никогда не может быть историческим знанием, потому что оно никогда не может быть научным знанием. Это ненаучное знание, ибо оно не может быть оправдано ссылкой на то основание, на котором оно строится. А коль скоро у нас есть такое основание, то перед нами уже больше не свидетельство. Когда свидетельство подкрепляется основанием, то наше принятие его перестает быть принятием свидетельства как такового, это утверждение чего-то, базирующегося на определенных основаниях, т. е. историческое знание» (Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории*. С. 244).

⁴⁷ Автор дает разъяснение этой метафоре, ставшей благодаря ему знаменитой: «Историю, конструируемую с помощью отбора и комбинирования свидетельств различных авторитетов, я называю историей ножниц и клея» (Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории*. С. 245).

историк извлекает его из источника и включает, сделав, если нужно, перевод и изложив его в подобающем, по его мнению, стиле, в свою собственную историю. Как правило, в тех случаях, когда в распоряжении историка оказывается много высказываний такого рода, одно из них говорит ему то, чего не говорит другое. Тогда оба высказывания включаются в собственное повествование историка. Иногда же он находит, что одно из этих высказываний противоречит другому. Тогда, если у него нет способа примирить их, он должен решить, какое из них должно быть отброшено, а это, если он добросовестен, приведет его к критическому рассмотрению относительной достоверности противоречащих друг другу авторитетов. А иногда один из его источников или даже все они расскажут ему нечто такое, чему он просто не сможет поверить, историю, типичную, может быть, для предрассудков того времени, когда жил автор источника, или кружка, в который он входил, но не вызывающую доверия в более просвещенную эпоху, историю, которую поэтому следует опустить»⁴⁸.

Нужно добавить, что выступив с непримиримо резкой критикой «истории ножиц и клея» («в действительности это не история вообще, потому что в ней не удовлетворяются необходимые условия научного знания»⁴⁹), Коллингвуд вполне отдавал себе отчет, что он протестует не только против всей прежней традиции историописания⁵⁰, но и против той, которая практиковалась в его время («...большая часть того, что люди читают и даже пишут по истории сегодня, принадлежит истории этого типа»⁵¹). Он, правда, не оставил после себя ни программы той исторической науки, которая должна прийти на смену традиционной, ни исторических трудов, которые могли бы очертить ее контуры. Однако его последовательный и беспощадный критический настрой в отношении позитивистской модели историографии в XX в. оказался необычайно плодотворным не только для развития теории истории, но и для обновления исторического знания в целом.

Еще один поворот в осмыслении статуса документа в историческом знании XX в. – обычно признаваемый наиболее значительным – связан с французской *la nouvelle histoire* или как ее чаще называют школой «Анналов». Две его черты очень схожи с теми, которые

⁴⁸ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. С. 245.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 246: «Такова “критическая история” в том ее виде, как она разрабатывалась начиная с семнадцатого века. В девятнадцатом же столетии она была официально провозглашена апофеозом исторического сознания».

⁵¹ Там же. С. 245. И дальше продолжает: «Я бы не рискнул назвать ни одного историка или даже хотя бы одну историческую работу, в которой окончательно исчезли все следы этой истории. Но я осмелюсь сказать, что любой историк (если имеется таковой), который последовательно применяет ее, или любая историческая работа, написанная полностью в соответствии с предписаниями этого метода, отстают от науки по крайней мере на столетие» (С. 247).

мы видели у Дройзена и Коллингвуда: это резкое неприятие способов работы с источниками, практикующихся традиционной историографией и признание активной роли историка в постижении прошлого. Третья – расширительное понимание предмета приложения его усилий – отличает «анналистов» от их предшественников. Их заявление о том, что историком должно использоваться любое доступное свидетельство о прошлом стало значимым вкладом в развитие исторической эпистемологии (хотя мы знаем, что историки школы «Анналов» неоднократно заявляли о своей нерасположенности к философским обобщениям). Но все же главное, что говорит о произошедшем повороте французской «новой исторической науки» в интерпретации исторических свидетельств, – это новое практическое использование документов в признанных шедеврах Марка Блока, Люсьена Февра, Фернана Броделя, Жака Ле Гоффа.

Хорошо известно, что одной из характерных черт «Анналов» с самого возникновения журнала стала критика позитивистской историографии⁵². Публикации в нем его основателей, направленные против традиционной истории, ее установок и методов были важной составляющей процесса радикального обновления исторической науки – не случайно Февр позднее дал сборнику своих работ «воинственное» название «Бои за историю»⁵³. Критика Блоком и Февром их противников, порой беспощадная и полная сарказма⁵⁴, однако никоим образом не ставила под сомнение саму возможность постижения прошлого. Она лишь указывала на необходимость более вдумчивого, более глубокого и более полного проникновения в него исследователя.

В центре «боев за историю» находились общепринятое понимание исторического источника и способы работы с ним, в особенности упрощенное видение «исторического ремесла» как постижения объективной исторической истины через осуществление технических процедур критики текстов и установления их достоверности⁵⁵. Получалось, что историку надлежало лишь следовать за источниками – хрониками, донесениями, хартиями и т.п., – оставаясь невидимым посредником между ними и читателями⁵⁶. Многие, писал Марк Блок, «представляют себе ход нашей работы до странности наивно. Вначале, мол, есть источники. Историк их собирает, читает, старается оценить их подлинность и правдивость. После этого, и только после этого, он пускает их в дело. Но

⁵² См. об этом: Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 31 и сл.; Медушевская О.М. Исторический факт и исторический источник в концепции «Анналов» // Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 56-59.

⁵³ Febvre L. Combats pour l'histoire. P., 1952. Рус. пер.: Февр Л. Бои за историю. М., 1991. (Состав статей сборника, вышедшего на русском языке, повторяет оригинальное издание не полностью.)

⁵⁴ Февр язвительно замечал, например, что в трудах этих историков крестьяне пахут «не плугами, а картуляриями» – Гуревич. Исторический синтез и Школа «Анналов». С. 41.

⁵⁵ См.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». С. 32.

⁵⁶ Там же. С. 92.

беда в том, что ни один историк так не действует. Даже когда ненароком воображает, что действует именно так»⁵⁷. Дошедшие до нас следы прошлого – будь то письменные документы или артефакты – становятся свидетельствами только тогда, когда к ним обращается историк. Причем извлечение из них информации требует от него знаний, опыта и умственных усилий: «тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать»⁵⁸.

«Всегда вначале – пытливый дух»⁵⁹. Эти слова Марка Блока могут рассматриваться как лозунг нового понимания историков «Анналов» отношения исследователя к свидетельствам прошлого. «Знаменитая формула старика Ранке, – читаем в той же «Апологии истории», – гласит: задача историка – всего лишь описывать события, “как они происходили” (wie es eigentlich gewesen war). [...] Другими словами, ученому, историку предлагается склониться перед фактами. Эта максима, как и многие другие, быть может, стала знаменитой лишь благодаря своей двусмысленности. В ней можно скромно вычитать всего-навсего совет быть честным – таков, несомненно, смысл, вложенный в нее Ранке. Но также – совет быть пассивным»⁶⁰. В неприятии пассивной роли историка с Блоком солидарен Февр, не раз подчеркивавший, что нужно «не просто переписывать источники, а воссоздавать прошлое»⁶¹. Он считал даже, что именно активное осмысление свидетельств прошлого является главной и наиболее увлекательной частью его работы – в особенности, когда эти свидетельства не являются письменными документами. «Не правда ли, – говорит он, – часть нашей работы – работы историка, – и, без сомнения, самая захватывающая ее часть, состоит в постоянных усилиях, направленных на то, чтобы заставить говорить немые вещи, заставить их сказать нам то, чего сами по себе они не говорят, – о людях, об обществах, которые произвели их на свет, и составить из них в конечном счете разветвленную сеть подобий и взаимосвязей, восполняющую отсутствие письменного документа»⁶².

Появление новых подходов к осмыслению исторических документов было в немалой степени продиктовано задачей написания «тотальной истории», объявленной «отцами-основателями» «Анналов» в числе важнейших. Как пишет А.Я. Гуревич, они считали, что из частной гуманитарной дисциплины история должна стать всеобъемлющей междисциплинарной наукой, причем стать наукой, изучающих людей «с максимального

⁵⁷ Блок М. Апология истории. С. 38.

⁵⁸ Там же. С. 38.

⁵⁹ Там же. С. 39.

⁶⁰ Там же. С. 79.

⁶¹ Февр Л. Бои за историю. С. 103.

⁶² Febvre L. Combats pour l'histoire. P. 428. Цит по: Про А. Двенадцать уроков по истории / Пер. Ю.В. Ткаченко. М., 2000. С. 84.

возможного числа точек наблюдения, в разных ракурсах, с тем, чтобы восстановить все доступные историку аспекты их жизнедеятельности, понять их поступки, события их жизни в их многосложности, в переплетении самых разных обстоятельств и побудительных причин»⁶³. Из этой задачи следовал важнейший вывод: источником приложения усилий историка может быть все, что относится к прошлому! «Разнообразие исторических свидетельств, – подчеркивает Блок, – почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения»⁶⁴. Его мысль развивает Февр:

«История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. Причем при отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сворных трав, затмения Луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, – одним словом, все то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы и способы человеческого бытия»⁶⁵.

Важной новацией французской «новой исторической науки» в интерпретации исторических документов стало выделение Блоком в особую категорию невольных свидетельств⁶⁶. Невольные свидетельства, по его мнению, особенно ценны: в них прошлое «проговаривается» о самом себе, позволяя «узнать о нем значительно больше, чем ему угодно было нам открыть»⁶⁷. «Повествовательные источники, – поясняет он, – т. е. рассказы, сознательно предназначенные для осведомления читателей, не перестали... оказывать ученым ценную помощь. Одно из их преимуществ – обычно только они и дают хронологическую последовательность, пусть не очень точную. [...] Однако историческое исследование в своем развитии явно пришло к тому, чтобы все больше доверять второй категории свидетельств – свидетелям невольным»⁶⁸.

⁶³ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». С. 65.

⁶⁴ Блок М. Апология истории. С. 39. Сегодня представление о том, что историческим свидетельством может быть любой фрагмент прошлого стало общепринятым. В новом популярном введении в историю читаем: «Источником, фактически, может быть все, что несет на себе след прошлого» – Arnold J.H. History: A Very Short Introduction. Oxford, 2000. P. 60.

⁶⁵ Febvre L. Combats pour l'histoire. P. 428. Цит по: Про А. Двенадцать уроков по истории. С. 84.

⁶⁶ Блок М. Апология истории. С. 36.

⁶⁷ Там же. С. 38.

⁶⁸ Там же. С. 37. Нужно добавить, что это наблюдение М. Блока оказалось чрезвычайно востребованным в историографии в XX в. В частности, анализ «невольных» свидетельств лег в основу целого ряда исследований А.Я. Гуревича: Проблемы средневековой народной культуры (М., 1981), Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века) (М., 1989), Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства (М., 1990).

В целом, с уверенностью можно заключить, что новая программа историописания, разработанная Блоком и Февром, основывалась, с одной стороны, на ранее неизвестных историкам видах свидетельств прошлого, с другой, – на ранее неизведанных способах работы с ними. Эта программа во второй половине XX века была значительно модифицирована, расширена и развита социальными историками, в результате чего произошло гигантское увеличение количества и разнообразия видов исторических документов, а также способов их анализа – особенно после появления компьютера. Одновременно результаты исследований гуманитариев самых разных направлений и школ сделали для многих историков очевидным, что доступные им свидетельства не могут рассматриваться как беспроblemные средства доступа к тому, «как было на самом деле». В результате этих исследований напротив, выяснилось, что работа с историческим документом, помимо традиционных процедур «внешней» и «внутренней» критики, требует решения множества сложнейших эпистемологических проблем. В итоге историкам как никогда раньше стало понятно, что он ничего не говорит «сам по себе», без заданного ему вопроса, что от этого вопроса зависит отбор историком тех или иных свидетельств и даже решение, что считать свидетельством, а что нет. Как недавно сформулировал это Алан Мегилл, «свидетельство не имеет постоянного статуса, необходимо избегать ошибки отождествления *информации* (или данных) и *свидетельства*. Свидетельство является таковым только на основании свидетельствования за или против определенного утверждения или множества утверждений. Информация превращается в свидетельство только тогда, когда исследователь или ученый вовлечены в спор...»⁶⁹.

⁶⁹ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 85. (Перевод с издания: Megill A. Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice. Chicago, 2007.)

ТЕКСТ

Появление в последние десятилетия прошлого века нового концепта исторического документа, обозначаемого здесь понятием «текст», целиком обязано фундаментальным трансформациям эпистемологических оснований гуманитарных наук, получившим обобщенное название «лингвистический поворот»⁷⁰. Суть этих трансформаций можно представить как «открытие» (сначала лингвистами и философами, затем частью литературных критиков, а после них и некоторыми историками) того обстоятельства, что язык является единственным средством нашего осмысления реального мира и передачи знаний о нем⁷¹. Как обозначает его Габриэль Спигел, это было обнаружение и осмысление того, что «язык является важным фактором человеческого сознания и социального производства смысла», а также того, что «наше представление о мире – как прошлом, так и настоящем – складывается только через объектив предзаданных языковых кодов»⁷².

В представлении лингвистической философии конца XX века, “вещи” как таковые не являются социальной реальностью без их языкового истолкования: «они не являются объективными данностями сами по себе, но, скорее, продуктом лингвистического процесса “овеществления”»⁷³. Но тогда получается, что ученый имеет дело не с реальностью, а с риторическими, дискурсивными и нарративными стратегиями, т.е. формами репрезентации действительности, имеющими свои правила и свою «грамматику» (Ролан Барт). И также получается, что именно из этих стратегий и рождаются концепты и факты реальности, которыми оперирует научное знание. Таким образом, привычное представление о языке как «отражении действительности», фактически, заменяется своей противоположностью. Больше того, некоторые философы языка идут дальше, добавляя, что не существует раз и навсегда заданной связи между «словами» и «вещами», из чего проистекает принципиальная невозможность точной и стабильной репрезентации значений (поскольку язык не представляет собой цельную и замкнутую систему смыслов, возникающие в нем значения контекстуальны). В общем, эти кратко очерченные позиции лингвистической философии делают понятней происхождение нового обозначения исторического документа и его связь со знаменитым высказыванием Деррида, ставшим слоганом «лингвистического поворота» – «ничего не существует, кроме текста» (*il n'y a pas de hors texte*).

⁷⁰ Понятие было введено в научный оборот Ричардом Рорти в сборнике под его редакцией: *The linguistic turn: recent essays in philosophical method* / Ed. R. Rorty. Chicago, 1967.

⁷¹ См. об этом содержательное обзорное исследование: Clark E.A. *History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn*. Cambridge (Mass.), 2004.

⁷² Spiegel G.M. Introduction // *Practicing History: New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn* / Ed. G.M. Spiegel. N.Y., 2005. P. 2.

⁷³ Ibid. P. 5.

Влияние «лингвистического поворота» на историков в самом общем виде можно свести к двум главным «открытиям». Первое – что предмет их исследования это не прошлое само по себе, а языковая интерпретация этого прошлого, т.е. интерпретация нагруженная пред-заданными языковыми кодами и смыслами⁷⁴. Из-за этой пред-заданности историку нужно оставить иллюзию прозрачности его источников, веру в то, что через рассказанное в них он может получить непосредственный доступ к реальности прошлого. Признание власти языка ведет к тому, что он больше не может обособлять исторические события от способов, с помощью которых они ему переданы. Однако то, *как* рассказана в источнике та или иная история (каким образом представлены в нем события, в каких риторических фигурах передается исторический опыт и т.д.) тоже являясь реальностью, вполне может стать предметом его исследования (см. об этом дальше).

Второе и, может быть, главное «открытие» состоит в том, что конечный продукт труда историков – исследовательские статьи, монографии, обзоры и т.д. – также является языковой интерпретацией, т.е. нагружен всеми теми проблемами, о которых речь шла выше. Результатом этого второго «открытия» стал перенос внимания теоретиков с осмысления этапа работы историка с документами («критика источников», которую, как мы видели, классическая традиция считала главной) на способ репрезентации им прошлого, т.е. на конечный продукт. Одним из результатов этого переноса стало неожиданное обнаружение того обстоятельства, что традиционный исторический нарратив, в сущности, устроен так же, как и литературное произведение. Как показывает Хейден Уайт в своей «Метаистории», свобода выбора историка, создающего свой рассказ о прошлом, неизбежно ограничивается одной из четырех пред-заданных литературных форм (комедия, трагедия, роман, сатира). Этот неизбежный и обычно неосознанный выбор определяет в конечном счете способ осюжечивания (emplotment) имеющихся в его распоряжении свидетельств, а также способ их обобщения (colligation). «События, структуры и процессы прошлого – обозначает это “открытие” Патрик Джойс, – оказываются неотделимыми от форм репрезентации документов, понятийных и политических предпочтений (appropriations) и исторических дискурсов, которые их конструируют»⁷⁵.

⁷⁴ Причем это утверждение в постструктуралистской перспективе оказывается справедливым не только для письменных свидетельств, но и для свидетельств материальных: археологическая находка «включается» в научное исследование только после того, как ей дается научное описание, т.е. после ее превращение в текст.

⁷⁵ Joyce, P., Kelly, K. History and Postmodernism // Past & Present. 1991. Vol. 133. P. 208. Если говорить дальше о наиболее значимых следствиях «лингвистического поворота» для историографии, то нельзя не упомянуть о растворении традиционной (в смысле XIX в.) идентичности «ремесла историка». Ведь если считать главенствующей роль языка и дискурса в создании смыслов, то получается, что между историком и, скажем, литературным критиком нет никаких принципиальных отличий: и те, и другие имеют

Размывание материальных основ словесных знаков, отрицание способности языка ««устанавливать связь» с какой бы то ни было реальностью, отличной от него самого»⁷⁶, привело к замене традиционных обозначений исторического документа («источник», «свидетельство», «след», «исторический материал» и т.д.) на «текст» как набор связанных между собой символов, передающих некое сообщение и, следовательно, имеющих нейтральный статус по отношению к исторической действительности. Причем употребление этого понятия в контексте «лингвистического поворота» стало сопровождаться резким неприятием традиционной критики исторических источников, продиктованной «самонадеянной гуманистической верой в то, что рациональное, “объективное” исследование прошлого позволит нам открыть “подлинный” смысл исторических текстов»⁷⁷. В новой эпистемологической парадигме их смыслы определяются не действительностью, не реалиями прошлого, а другими текстами, с которыми они так или иначе связаны (интертекстуальность). Предмет приложения усилий историка, таким образом, превращается в бесконечный текст, значения которого находятся в постоянном движении. «Все текстуализируется» – определял эту новую эпистемологическую ситуацию Деррида. «Все контексты, – продолжает его мысль современный критик, – будь они политическими, экономическими, социальными, психологическими, историческими или теологическими, становятся интертекстами... Вместо литературы у нас текстуальность, вместо традиции – интертекстуальность»⁷⁸.

Нейтральный характер понятия «текст» по отношению к исторической действительности подчеркивается также тем, что фигура его создателя (в классической историографической традиции – автора исторического источника, передающего сведения о том, «как было на самом деле») в постструктуралистском анализе отодвигается на задний план. Поскольку авторское Я в этом анализе выступает, с одной стороны, как языковой конструкт, с другой, как иллюзия, текст историка оказывается не столько продуктом этого Я, сколько результатом объективации в языке и речи того или иного события. Восприняв в большей или меньшей степени эти откровения лингвистической

дело с одинаковыми видами документов (текстами), смыслами которых они «играют», следуя тем или иным правилам, нередко весьма неопределенным. Историк, таким образом, не реконструирует прошлую действительность – эта задача ему не по силам в принципе, – а лишь утверждает, что «это было» (Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 440), создавая эффект реальности прошлого, референциальную иллюзию, эту действительность замещающую. Примерно из таких посылок исходит «новый историзм», пустивший глубокие корни в США – см. о нем: Gallagher C., Greenblatt S. Practicing New Historicism. Chicago, 2000; Уайт Х. По поводу “нового историзма” // Новое литературное обозрение. 2000. №2; Козлов С. На rendez-vous с «новым историзмом» // Там же.

⁷⁶ Спигел Г. К теории среднего плана: Историописание в век постмодернизма // Одиссей. 1995. М., 1995. С. 213.

⁷⁷ Там же. С. 212.

⁷⁸ Бартов А. Иной мир возможен? // Новый берег. 2007. № 4. (http://magazines.russ.ru/bereg/2007/18/ba21-pr.html#_ftnref1)

философии, многие современные историки далеко отошли от традиционного прочтения текстов как «источников», созданных специально для того, чтобы сообщить им о реалиях прошлого. Вместо попыток прямого доступа к этим реалиям они обратились к исследованию конвенций (языковых и социальных), которые создают ту или иную модель прошлого в тексте, к анализу их особенностей, связи с другими группами текстов и т.д.

Понимание нейтральности «текста» с точки зрения порождения достоверных данных о событиях, кроме того, проявляется у некоторых исследователей в переносе внимания с его Автора на Читателя. Признав «смерть» первого⁷⁹, некоторые исследователи именно в Читателе увидели главный источник порождения значений. Из постструктуралистских теоретиков эту новую позицию первым отчетливо сформулировал Р. Барт. Смысл, утверждал он, «фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель. Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых складывается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь *некто*, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст»⁸⁰. По словам современного критика, в постструктурализме «авторы умирают для того, чтобы возвысились читатели. В любом случае каждая самость, будь то критик, поэт или читатель, выступает как конструкция языка – текст. Читатель выходит из-под власти автора, он обладает с ним равными правами»⁸¹.

И хотя обо всех этих изменениях смысла «текста» обычно говорят не историки-практики, а философы и литературоведы, замещение традиционных обозначений исторического документа новым утвердилось и в их «цехе». Многие признанные фигуры современной историографии, говоря о предмете приложения своих усилий по реконструкции прошлого, предпочитают использовать именно его. Что касается традиционного понятия «источник», то оно во многих новейших работах либо демонстративно игнорируется, либо оттесняется на периферию исторического нарратива

⁷⁹ См. две принципиально важных в этой связи работы: Barthes R. La mort de l'auteur // Manteia. 1968. № 5. P. 12-17; Foucault M. Qu'est-ce qu'un auteur? // Dits et écrits 1954-1988 / Ed. D. Defert et Fr. Ewald. Vol. 1. Paris, 1994. P. 789-821. (Рус. пер.: Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391; Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 7-46).

⁸⁰ Барт Р. Избранные работы. С. 390. Сегодня проблема чтения исторического текста и ее связь с проблемой письма активно обсуждается в возникшей в русле «лингвистического поворота» «новой философии истории», подчеркивающей неочевидность и непрозрачность его смыслов (см.: Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. N4. С. 55).

⁸¹ Бартов А. Иной мир возможен?

как слишком нагруженное позитивистскими коннотациями. И, конечно, отношение к историческому документу как к «тексту» особенно распространено в тех новых историографических направлениях, которые считаются прямым результатом «лингвистического поворота» (или непосредственно с ним связанными). Так, например, о текстах говорит один из основоположников «нового историзма» Стивен Гринблатт, размышляя о формировании субъективности в Англии эпохи Ренессанса⁸²; понятие «текст» становится центральным в анализе Карло Гинзбургом эпистемологической модели исторического исследования в «Уликовой парадигме»⁸³; его же широко использует Габриэль Спигел в своих поисках новых перспектив исторической науки в эпоху пост-постмодерна⁸⁴.

Важно подчеркнуть, что, по мнению целого ряда теоретиков, постструктуралистский концепт «текста» не исключает полностью возможности получения историком достоверных знаний о прошлом. Однако и сам процесс историописания, основанный на нем, и его конечная цель понимаются во многом иначе, чем во времена Ранке. Прежде всего, история теперь становится более сложной в эпистемологическом плане и менее амбициозной в смысле ее возможностей воссоздания объективной картины событий прошлого. Одно из важных ограничений этой новой истории заключается в признании того, что текст, с которым работает историк, является не прямым свидетельством о том, что было «на самом деле», а его репрезентацией, т.е. опосредованным (в первую очередь языком) представлением событий⁸⁵. Следствием такого признания оказывается согласие с изначальной неопределенностью смыслов текста, и даже их обманчивостью. Во-первых, из-за отсутствия его прочной связи с внеязыковой реальностью (об этом говорилось выше); во-вторых, из-за невозможности восстановления точного контекста значений, в котором он был создан (без этого контекста всякий смысл будет искажен); в-третьих, из-за случайности выборки (процесс производства текстов, ставших для нас историческими документами, был обусловлен самыми разными историческими причинами и обстоятельствами)⁸⁶.

⁸² Greenblatt S. *Renaissance Self-Fashioning: From More to Shakespeare*. Chicago, 1980. См. перевод фрагмента книги: Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира // Новое литературное обозрение. 1999. №1.

⁸³ Ginzburg C. *Spie. Radici di un paradigma indiziario // Crisi della ragione. Nuovi modelli nel rapporto tra sapere e attività umane / A cura di A. Gargani*. Torino, 1979. P. 59-106. На русском: Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. М., 2004. С. 189-241.

⁸⁴ Spiegel G.M. *Introduction // Practicing History: New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn*.

⁸⁵ Как обозначает это понятие философская энциклопедия, репрезентация – это «представление одного в другом и посредством другого» (История философии: Энциклопедия. Минск, 2002). Об истолковании его в современном историческом знании см.: Ankersmit F.R. *Historical representation*. Stanford, 2001. Esp. P. 222-227.

⁸⁶ См.: Thompson W. *Postmodernism and History*. N.Y., 2004. P. 40.

В качестве одного из примеров историографического направления, в той или иной мере отвечающего вызовам «лингвистического поворота» и пониманию исторического документа как «текста», чаще всего называют «микроисторию». Как считает Фрэнк Анкерсмит, в новых эпистемологических условиях лишь она создает «единственный приемлемый вид историографии» (говоря о конкретных исследованиях, он называет «Возвращение Мартина Герра» Н. Земон Дэвис и «Монтайю» Э. Ле Руа Ладюри)⁸⁷. Еще одно направление, связь которого с трактовкой исторического документа как «текста» вполне очевидна – интеллектуальная история⁸⁸, одной из отличительных черт которой является использование фактически тех же документов, что и в истории идей, истории науки, истории литературы или истории философии. Благодаря такого рода текстуализации в интеллектуальной истории происходит переоценка значимости отдельных категорий документов: если раньше большинство историков считали научные, литературные или философские сочинения ненадежными, поскольку они не содержат проверенных сведений об эмпирических фактах прошлого, то теперь, после смены исследовательского ракурса, становится возможным сделать литературные или научные труды главным предметом исторического анализа.

Однако, пожалуй, еще более явно с новой трактовкой исторического документа ассоциируется направление, которое можно обозначить как конструкционистское⁸⁹. Некоторые исследователи, осознав, что тексты не дают прямого доступа к исторической действительности, стали спрашивать их о другом: не «как было на самом деле», а что они говорят нам о восприятии исторической действительности современниками. Таким образом, этими исследователями была предложена принципиально иная перспектива: любые исторические свидетельства – хроники, донесения послов и военачальников, газетные репортажи и т.п. – нужно прочитывать не для того, чтобы получить информацию

⁸⁷ Ankersmith F.R. Historiography and Postmodernism // History and Theory. 1989. Vol. XXVIII, №2. P. 144 (Cit.: Thompson W. Postmodernism and History. P. 37). Иногда в список «постмодернистов» в историографии попадает и К. Гинзбург, хотя известно, что он не раз резко выступал с критикой постмодернистской интерпретации историографии (в частности, редукции исторического нарратива к риторической фигуре у Х. Уайта – Ginzburg C. History, Rhetoric and Proof. L.; Hanover, 1999).

⁸⁸ О том, как понималась интеллектуальная история в конце прошлого века см. определения в первом информационном бюллетене Международного общества интеллектуальной истории Intellectual News за 1996 г. (теперь журнал Intellectual History Review): <http://www.idih.org/pdf/IN-gesamt.pdf>. У нас см. многочисленные статьи об интеллектуальной истории Л.П. Репиной и выходящий под ее редакцией журнал (ранее ежегодник) «Диалог сов временем: Альманах интеллектуальной истории». Нужно добавить, что границы интеллектуальной истории как историографического направления остаются сегодня настолько неопределенными, что позволяют говорить о ней как о каком-то междисциплинарном мега-направлении, включающем в себя целый ряд других: от школы «Анналов» до постмодернистской историографии. Так, например, к «интеллектуальным историкам» относят таких разных исследователей, как Перри Андерсон, Роберт Дарнтон, Люсьен Февр, Мишель Фуко, Питер гей, Энтони Графтон, Мартин Джей, Карло Гинзбург, Доминик Лакарпа, Артур Лавджой, Квентин Скиннер, Хейден Уайт.

⁸⁹ См. об этом подробнее: Зарецкий Ю.П. Истории, которые у нас не пишутся // Неприкосновенный запас. 2009. № 5. С. 262-269.

о тех событиях, которые в них описываются, а для того, чтобы узнать о способах восприятия этих событий авторами и особенно о социальных, культурных, политических обстоятельствах, эти способы породивших. Т.е. узнать не только и не столько, *что* они говорят, но *как* они это делают и *почему* так, а не иначе.

Если же говорить в целом о результатах влияния «лингвистического поворота» на понимание документа в историографии, то, пожалуй, наиболее значимый из них – разрушение границ между традиционным пониманием его статуса в истории и литературоведении. Или точнее – принятие историками концепта литературоведов. «Литературная теория, – разъясняет причину этого заимствования современный исследователь, – не проблематизирует промежуток “язык/реальность”. Для литературоведа утверждение, что текст есть “вещь” или “объект”, не провокационно. Он и так исследует тексты как вещи, и его не интересует вопрос об отношениях между текстом-объектом исследования и языком, который используется им, чтобы выразить результаты своего исследования»⁹⁰.

⁹⁰ Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании. С. 54.

ИСТОЧНИК – СВИДЕТЕЛЬСТВО – ТЕКСТ

Очевидно, что за время существования исторической науки ее теоретические основы претерпели серьезные изменения, и эти изменения очень непросто – хотя, по-видимому, и необходимо – осмыслить и упорядочить⁹¹. Утверждать определенно можно, пожалуй, лишь то, что сегодня история несравнимо более разнородна в смысле методов и предмета исследования, чем во времена Ранке. Как недавно писал об этом Кейт Томас, в наши дни история представляет собой «насыщенную и гетерогенную область знания, характеризующуюся поразительным различием подходов. Нет согласия в том, что считать главным, и что второстепенным и почти полностью отсутствует ощущение, что это интеллектуальное занятие составляет какую-то цельность»⁹². Очевидно также, что произошедшие за двести лет изменения в исторической науке не в последнюю очередь связаны с трансформациями в понимании документа – главного объекта приложения аналитических усилий историка. Традиционный концепт «источника», многие десятилетия честно ей служивший основой (особенно в политической истории) для понимания исторического «ремесла», в XX в. не раз подвергался критике: в истории ментальностей он оказался почти бесполезным, порой смешным, иногда даже враждебным новым задачам постижения прошлого, а в постмодернистской теории истории вообще распался как карточный домик.

Критика его, впрочем, никогда не была тотальной и потому не привела к полному отказу от этой «основы основ» исторической науки XIX в. Немало историков сегодня остаются на позициях близких к тем, которые разделял Ранке, и не видят необходимости в дальнейшей теоретической рефлексии в отношении своего «ремесла». Зачастую они даже считают ее вредной, ссылаясь на «эффект сороконожки» (одна сороконожка задумалась, с какой ноги ей пойти, и так никогда и не сдвинулась с места). Эти историки, как и раньше, воспринимают «источник» как подобие природного ключа, бьющего кристально чистой водой сведений о прошлом. Примерно так рассуждает уже упоминавшийся выше Джеффри Элтон, сторонник возвращения исторического знания к «основам» (т.е. принципам, заложенным в XIX в.). Он, в частности, резко выступает против распространившегося использования историками понятия «тест»: историк в отличие от литературного критика имеет дело не с письменными знаками, а с документальными свидетельствами прошлого! Одновременно он настаивает на том, что герменевтический подход не просто неприменим в профессиональной деятельности историка, но и

⁹¹ См. один из лучших обзоров: Iggers G. *Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. L., 1997.

⁹² Thomas K. *New ways revisited: How history's borders have expanded in the past forty years* // *Times Literary Supplement*. 2006. October 13. P. 4.

враждебен ей, поскольку предполагает навязывание смысла документам вместо «просто» его извлечения из них⁹³. «Истина, которую мы ищем, – с явным раздражением заявляет Элтон, – это истина события и всего, что с ним связано, а не возможность провозглашения отделенной от события истины и ее дразнения критиками на разные лады»⁹⁴. Как только мы это важнейшее различие уясним, продолжает он, то «сможем позволить философам и критикам играть в их игры, а самим заняться нашим собственным делом»⁹⁵.

И все же следует признать, что в целом отношение к документам в «цехе» историков в наши дни существенно отличается от наивного объективизма, господствовавшего в позапрошлом веке. И тут снова можно согласиться с Кейтом Томасом, который подытожил ее следующим образом: «Большинство практикующих историков сегодня... критически относятся к своим источникам и не нуждаются в напоминаниях, что те не являются отражением действительности. Они знают, что используемые ими понятия... это объяснительные инструменты, а не элементы прошлого. Они отдают себе отчет в том, что многие так называемые “факты” опровергаемы и что события представляются по-разному их свидетелям. Но они также знают, что в прошлом действительно что-то происходило и что историки часто могут выяснить, что»⁹⁶.

В наши дни не перестают живо обсуждаться и эпистемологические проблемы, связанные с местом и ролью документа в историческом исследовании. Не так давно известный немецкий медиевист Отто Герхард Эксле опубликовал статью «Что такое исторический источник?», получившую широкий резонанс в немецкоязычной историографии⁹⁷. В этой статье он ставил задачу историзировать проблему источника со времен Ранке до сегодняшнего дня. Его собственная позиция состоит в том, что в каждом конкретном случае ответ на вопрос, вынесенный в заглавие его статьи, будет напрямую зависеть от эпистемологической ситуации, в которой находится историческое знание в тот или иной промежуток времени⁹⁸. При этом Эксле подчеркивает, что история проблемы источника не может быть представлена как прогресс, поскольку ее трансформации менее однозначны⁹⁹. В качестве итога своего анализа Эксле формулирует три тезиса. Первый и

⁹³ Elton G.R. Return to Essentials: some reflections on the present state of historical study. Cambridge, 1991. P. 30.

⁹⁴ Ibid. P. 30-31.

⁹⁵ Ibid. P. 31.

⁹⁶ Thomas K. New ways revisited. P. 4.

⁹⁷ Oexle O.-G. Was ist eine historische Quelle? // Rechtsgeschichte. Zeitschrift des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte. 2004. Bd. 4. S. 165-186. Рус. пер: Эксле О.Г. Что такое исторический источник? // Munuscula. К 80-летию Арона Яковлевича Гуревича. М., 2004. С. 154-181. См. о ней: Зарецкий Ю.П. Феодализм, исторический источник, история, наука: «модный» взгляд на старые вещи // Новые российские гуманитарные исследования. 2007. №2 (http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=47&binn_rubrik_pl_articles=218).

⁹⁸ Эксле О.Г. Что такое исторический источник? С. 154.

⁹⁹ Там же. С. 181.

наиболее радикальный из них: сегодня необходимо отказаться от понятия «источник», так как «с ним до сих пор неизбежно и открыто связаны эмпиристские и метафизические эпистемологии». Второй, – необходимо отказаться «от всякой иерархии и сегментирования исторического материала в пользу его свободного понимания». Наконец, третий, – необходимо обратиться к изучению «субъективных условий исторического познания и признания истории памяти его составной частью»¹⁰⁰.

Разумеется, эта «программа Эксле» представляет лишь одну из множества попыток инструментальной интерпретации статуса исторического документа в начале XXI в. Лингвистический, антропологический и другие «повороты» сделали задачу эпистемологического переосмысления эмпирических основ исторического «ремесла» жизненно необходимой. Так, еще в 1991 г. Питер Берк в предисловии к сборнику статей известных историков (среди них Джоанн Скотт, Джованни Леви, Роберт Дарнтон, Рой Портер и др.) предложил свое видение этого статуса в историографическом направлении, которое он назвал «новой историей»¹⁰¹. О документе в современной исторической науке с позиций «практического реализма» и «прагматизма» много размышляют Джойс Эпплби, Линн Хант и Маргарет Джейкоб в вышедшей в 1994 г. книге «Правда об истории»¹⁰². Габриэль Спигел в целой серии работ развивает мысль о полезности деконструктивистской методологии в интерпретации исторических текстов, считая необходимым совместить «веру в референциальные, констатирующие возможности языка» с «новыми теоретическими оценками литературной природы всех исторических документов и их опосредующей и дополнительной роли в историографии»¹⁰³. В возможности нахождения «третьего пути» между традиционной историей и постмодернистскими новациями с ней солидаризируется Роже Шартье. «Признание того факта, – говорит он, – что реалии прошлого доступны изучению, как правило, лишь через тексты – что предполагает определенную организацию реальности, овладение ею и ее образное представление – еще не означает признания тождественности двух логик: логоцентричной и герменевтической логики, которая управляет производством дискурсов, с одной стороны, и логики практик, регулирующей поведение и поступки людей – с другой. Эту несводимость опыта к дискурсу всякая история должна принимать в расчет,

¹⁰⁰ Там же. С. 181.

¹⁰¹ Burke P. Overture: the New History, its Past and its Future // *New Perspectives in Historical Writing*. Cambridge, 1991. P. 4-5.

¹⁰² Appleby J., Hunt L., Jacob M. *Telling the Truth about History*. N.Y., 1994.

¹⁰³ Спигел Г. К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма. С. 218.

остерегаясь бесконтрольного привлечения категории «текст», слишком часто и неоправданно прилагаемой к исследуемой практике...»¹⁰⁴.

В общем же можно заключить, что поскольку сегодня историк-практик продолжает рассматривать свое «ремесло» в категориях субъект-объектных отношений (пока еще?), ему совершенно необходимо не только оперировать обладающим широким спектром смыслов понятием «документ», но и иметь специфическое для своей профессии обозначение предмета приложения своих усилий. В этой ситуации концепты «источника», «свидетельства», «текста» – при всем разнообразии их толкований – продолжают служить ему важнейшими инструментами осмысления эпистемологических проблем его «общения» с этим предметом.

Сведения об авторе:

Зарецкий Юрий Петрович

Докт. ист. наук, профессор кафедры истории философии

НИУ Высшая школа экономики

yurizar@yahoo.com

¹⁰⁴ Шартъе Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей. 1995. М., 1995. С. 197-198.